

**МУХЕТДИНОВ
ДАМИР ВАИСОВИЧ**

первый заместитель председателя
Духовного управления мусульман РФ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСЛАМА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Ислам в России представлен несколькими объединениями. Это Центральное духовное управление мусульман России, Духовное управление мусульман РФ и Духовное собрание мусульман России. Помимо этого, существуют фактически независимые региональные муфтияты, оказывающие влияние на развитие мусульманской жизни и за пределами своих регионов. Это, к примеру, духовные управления в Татарстане и Дагестане. Пестрая структура российского ислама накладывается также на многообразие этнических групп. Практически во всех регионах России есть верующие с Северного Кавказа, из Центральной Азии, шииты, как правило, из Азербайджана. Самым распространенным в Поволжье и в Центре России, на Урале и Сибири является татарский ислам. Мусульманские общины, как и все остальные религиозные объединения, активно занимаются социальной работой, в том числе налаживается служение среди иммигрантов. Исламское религиозное образование по уровню не уступает православному. Рост общин в самых разных субъектах РФ приводит и к появлению проблем со строительством мечетей и выделением земли под них, а на федеральном уровне исламские лидеры периодически высказывают претензии по поводу большого влияния Русской православной церкви и преференций, которые ей дает государственная власть, тогда как мусульмане не получают разрешения открыть мечети там, где они хотят. Недовольство исламских лидеров часто связано также с отсутствием межрелигиозного диалога в регионах и на федеральном уровне. Все эти проблемы становятся факторами политизации мусульманского сообщества России.

Сразу обозначу ключевое для дальнейшего размышления различие — различие *политического* и *политики*. *Политическое* (*political*) — это пространство потенциальной конфронтации или же потенциального согласия с другими об общем благе, сфера состязания в практических добродетелях, «агона» (др. греч. — борьбы). Это не *политика* (*politics*) в узком смысле слова, которая сводится к продуманной реализации управленческой стратегии. Политическое не ограничивается административной практикой, то есть защитой статус-кво, апологией установленного порядка и поддержанием привычной системы внутренних и внешних отношений. Оно неотделимо от этического, то есть от ценностного *выбора*, твердого намерения и бремени ответственности.

В исламской перспективе политическое определяется как сфера реализации «шура» (араб. консультации, совещания, всестороннего обсуждения) — говоря языком современной политической теории — процесса делиберации (лат. *deliberatio* — обсуждение). Очевидно, что там, где не допускается публичное обсуждение, возникает либо насильственное подавление, либо некритическое следование негласной норме. Обсуждение принадлежит пространству, где отсутствует возможность обосновать какой-либо порядок предельным религиозным авторитетом. Об этом сказано в известном хадисе: «*Вы лучше посвящены в дела жизни вашей*». Мы видим, что Пророк (мир ему!) открыто признавал существование поля дискуссионных реалий, освобожденных от регуляции однозначными сакральными предписаниями. Как раз оно и становится измерением потенциальной политизации — областью зарождения многообразия политических ориентиров и идентичностей.

Однако религиозное видение продолжает определять ценностный горизонт деятельности для множества групп и индивидов, а потому неизбежно сохраняет влияние на политику. Это касается не только ислама, но и других религий. В свете трагической истории политического злоупотребления именем ислама, когда тот превращался исключительно в инструмент легитимации *политики* отдельной партии или группы интересов, обсуждение отношений ислама и политического измерения представляется особенно болезненным. Оно же наталкивается на стойкие предрасудки, вызванные таким неопределенным понятийным образованием, как «политический ислам». То, что обычно понимают под «политическим исламом», лишь одна из возможных и довольно узких трактовок взаимосвязи ислама и политического. В одной из последних работ «*Российское мусульманство: в поисках политической субъектности*» (ИД «Медина», 2021) я анализирую политическое измерение жизни мусульман, которое не устраняется воплощением идеи светского государства или же запретом религиозных партий. Проще говоря, я исхожу из того, что

разумный отказ отождествлять религию с частной политической программой еще не отменяет вопрос о религиозном участии в политической сфере *par excellence*.

Российские мусульмане — наследники богатой культуры, в том числе культуры политической. Если их не поражает болезнь «гражданской апатии», то они стремятся к тому, чтобы обогатить совместную гражданскую жизнь собственным наследием. Переосмысление имеющихся горизонтальных культурных связей и выявление потенциальных точек эффективного взаимодействия наследников разных духовных традиций формируют неповторимый цивилизационный облик России. Горизонтальные культурные связи требуют включения в общую историю, исторического «углубления» к моменту зарождения сложной исторической общности, из которой они вырастают. Проще говоря, они требуют создания более «инклюзивных» и адекватных исторических нарративов. Этому мешают ограниченные представления о религиозной и культурно-исторической идентичности сограждан, невежественные предрассудки по отношению к определенной группе идентичности. Группы, качества которых идентифицируются извне доминирующей группой идентичности, нередко становятся заложниками непластичного и стремительно устаревающего «культурного канона», отводящего им весьма ограниченное место в совместном пространстве дискуссионных реалий и общем деле создания будущего политического сообщества.

Мы обычно не познаем особого образа мысли, который та или иная группа идентичности способна нам подарить. Мы познаем прежде всего расхожий искаженный образ этой группы, определяющий нашу достаточно непродуктивную привычную стратегию взаимодействия с ней. Именно в такой ситуации идентичность может получить политическое значение — если ее носители решатся на «субъективацию» поверх всех готовых и приложенных к ним идентификаций, содержащихся в «культурном каноне». Политическая субъектность складывается ровно в тот момент, когда конкретная группа преодолевает господство застывших в общественном сознании репрезентаций ее идентичностных характеристик. Группа, наделенная политической субъектностью, открыто заявляет о своем присутствии в поле публичной дискуссии и о праве активно переопределять свой образ.

Возвышая самостоятельный голос в качестве обладателей политической воли и ответственности, мусульмане вовсе не намереваются отказываться от участия в коллективном проекте всего российского общества. Напротив, пытаются донести свое мнение по тому или иному вопросу, представляющему общий интерес, до носителей иной религиозной и культурно-исторической группы, российские мусульмане стремятся к более вовлеченному и сознательному участию в политическом процессе. Согласование «идентичностных» требований, переводимых в ходе публичного обсуждения на язык «общих интересов», особых этнорелигиоз-

ных и культурных групп с их участием в коллективном проекте вовсе не дробит политическое сообщество, а лишь укрепляет его. Все точки расхождения должны быть публично обозначены для того, чтобы ясно очертить траектории возможного согласия — согласия разных. В таком случае носители различных религиозных идентичностей будут менее склонны отождествлять свое фактическое различие с достаточной причиной для политического раскола. Таким образом, доверие к политическим инициативам российских мусульман, готовность видеть в них равноправных участников общественного диалога может лишь поспособствовать общему осознанию нераздельности исторических судеб различных наследников российской культуры. Действуя политически, мусульмане России стремятся не столько обратить инаковерующих сограждан в ислам, сколько сделать сокровища исламской традиции общим достоянием, извлечь из них универсальное содержание, понятное носителям иной религиозной идентичности.

Политический долг верующего, в частности долг мусульманина, заключается в чем-то принципиально ином, нежели воплощение религиозно предписанной программы действий. Политическое всегда останется местом спора, сомнений, местом согласия разных, смирения или возвышения страстей, местом, где значимы доводы и различия во вкусах и ценностях. И кораническое послание признает позитивный смысл такого разнообразия:

«Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, но (Его замысел в том), чтобы разделить вас и испытать тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведаст вам о том, о чем вы спорите» (К. 5: 48).

Публичное обсуждение может закончиться для сообщества как обострением враждебности либо застоєм, так и новым продуктивным этапом в развитии. В этом смысле — в смысле состязания в благом — политическое касается каждого во всех возможных отношениях. Оно образует неотъемлемое измерение человеческого существования. Отсюда становится вполне понятной и та ревность, с которой «профессиональные политики» отстаивают трактовку политического поля как сферы их привилегированного доступа. «Профессиональные политики» бегут от понимания, что деятельное утверждение ценностей в общезначимом поступке, то есть осуществление собственной свободы, невозможно кому-либо передоверить.

Выдающийся французский политический мыслитель Алексис де Токвиль (1805—1859) еще в середине XIX века высказал предостережение от так называемого нового деспотизма, когда политическая жизнь гражданина сводится лишь к периодическому участию в ритуальном голосовании. В «новом деспотизме» право

на защиту человеческой свободы от произвольного доминирования со стороны отдельных групп и индивидов присваивает немногочисленная корпорация «экспертов от политики». Самый прискорбный социальный эффект, который производят режимы, тяготеющие к «новому деспотизму», это упомянутая «гражданская апатия», то есть отсутствие чувства связанности с другими членами сообщества в определении совместной судьбы. При «новом деспотизме» люди отделены институционально и ментально (как минимум, посредством пропаганды) от совместного участия в формировании общей судьбы — порядка, призванного служить защите их свободы и достоинства.

Всестороннее воспитание гражданской идентичности в российских мусульманах невозможно без готовности трансформировать существующий «культурный канон» и признать их самостоятельную политическую роль именно в качестве мусульман. Невозможно оно и без трансформации общей политической культуры, рассматривающей политические вопросы — как прерогативу политиков, а не задачу широкого политического участия (индивидуального и группового) всех граждан государства во всей их «идентичностной» уникальности. Я имею в виду, что в роли российских граждан мусульмане совсем не обязаны отвергать собственную религиозную принадлежность и историческую традицию — скорее, они должны иметь возможность представить их универсальное содержание. Иначе говоря, они призваны раскрыть эту традицию и духовные ценности ислама таким образом, чтобы сделать их предметом открытого публичного обсуждения и потенциальным источником благотворных изменений всего российского политического сообщества. Переход российских мусульман из разряда политических объектов в разряд политических субъектов расширяет, в свою очередь, идейно-практические горизонты «многооставного» российского политического субъекта в целом.